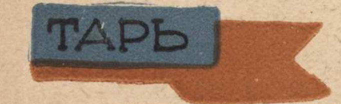
№ 48
ДЕКАБРЬ 1928 г. ШЕСТОЙ ГОД ИЗДАНИЯ ЦЕНА 15 КОП.

СМЕХАЧ

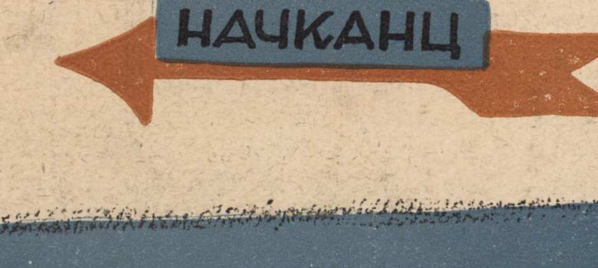

Рис. И. Малютина

„ПАДУ ЛИ Я, СТРЕЛОЙ ПРОНЗЕННЫЙ...“

— Столько стрел, и ни одна из них не может поразить бюрократизм!..

ВВЕРХ НОГАМИ

Не так давно в Туркестане отстроили большой консервный завод. Урожаи фруктов здесь бывают огромны, и превосходные местные абрикосы, персики и груши снимаются в садах в таких количествах, что их буквально некуда оказывается девать.

Отправлять их на центральные рынки очень трудно, потому что они в огромном количестве портятся в жару в длиннейшей дороге; поедать их на месте при всем желании бывает невозможно, а варенье и повидло варить туркестанские крестьяне не привыкли, не умеют, да это и не всегда, оказывается, по местным условиям и доступно; понятно, поэтому, какое огромное значение должен играть в экономике края консервный завод, целиком могущий на месте скупать и перерабатывать продукцию крестьянских садов.

Завод выстроили огромный и оборудовали его по последнему слову техники, новейшими и дорогими заграничными машинами. Его работа целиком основана была, по плану, на конвейере, на непрерывности производственного процесса.

В частности, крестьянская телега с фруктами в'езжает прямо в двери, опорожняется постепенно, продвигаясь вдоль внутренних хранилищ и чанов, и через десять минут выезжает, пустая, в противоположную дверь. Фрукты не только отгружены; они уже и рассортированы, перебраны и разложены десятками выдвигающих эту телегу и постепенно пропускающих ее людей на своих неподвижных местах.

Быстрота, расчет, точность, рационализация! Ни одного лишнего движения, ни одной минуты потерянного времени, ни одного процента брака!

Завод выстроили, открыли торжественно, но когда прибыли первые крестьяне с фруктами, неожиданно обнаружилась некоторая «неувязка» в плане: двери и рационализированные дорожки для телег сделали, позабыв справиться о ширине этих телег.

Сразу получился кавардак, и все стало вверх дном; несознательная местная арба наотрез отказалась пролезать в двери и двигаться по уготованным для нее узким дорожкам — конвейер полетел ко всем чертям; фрукты пришлось по-старинке разгружать во дворе и на руках таскать, давя и портя их, внутрь.

Это сразу путало все планы и расчеты, снизило пропускную возможность и сорвало производственную программу. Теперь туркестанские строители сидят и грустно размышляют о приличном выходе из создавшегося положения: надо либо перестроить завод, либо особым декретом на три вершка уменьшить ширину возмутительной крестьянской арбы.

Кто же мог подумать, кто мог вспомнить об этих досадных мелочах, о проклятых трех вершках?!

В Твери, на вагоностроительном заводе переоборудовали в тех же целях рационализации, сборочный цех

План тщательно «проработали», деньги затратили большие, и получилось, как будто бы, действительно, хорошо: выпуск товарных вагонов, которые собирались на заводе, вырос чуть ли не вдвое. Но с нового производственного года Гомза решила строить на этом заводе не только товарные, но и почтовые вагоны.

И тогда оказалось вдруг, что почтовый вагон, который на четверть аршина выше товарного, в новый цех войти не может: никому не пришла в голову такая простая мысль, что кроме товарных вагонов, заводу может случиться выпускать и другие!

Ежели бы сразу, когда планировали цех, прибавили эти пол-аршина в высоте — это обошлось бы буквально в копейки; теперь надо все ломать и перестраивать и поднимать своды и крышу — и это пахнет уже многими тысячами. Опять забыли о вершках!

И всегда, когда начинают в таких случаях искать виновного, оказывается, что виновного нет.

Все валят друг на друга, все делали только то, что им было поручено, и как будто честно делали, добросовестно и отнюдь не хотели вредить, — а в результате, все-таки, получилась чепуха, фактическая растрата, покрывать которую приходится из государственного кармана.

Люди совершенно механически выполняют свою работу; они не вкладывают в нее души, они не волнуются удачами и неудачами дела, не проявляют к нему никакого живого интереса.

Человеку сказано, что надо так-то и так-то класть балки, и он исполнительно положит их точно так, как приказано, и отнюдь не посмотрит, правильно ли это с точки зрения всей постройки, и ему будет безразлично, если его балки лягут хорошо, а «в общем и целом» получится каррикатура, а не рационализированный завод.

Ведь то, что ему приказали, он выполнил? Ведь остальное его не касается? Ведь за остальное с него не спросят?

В Ленинграде, у Нарвской заставы, кончается постройкой огромный и блестящий дом. Он выстроен великолепно, но оставляет очень странное и загадочное впечатление.

Квартиры в нем расположены так, что окна их сплошь выходят в узкий и совершенно темный внутренний двор; окна крошечные, тусклые и совершенно несомненно, что в квартирах всегда будет стоять мрак.

На улицу же, на солнечную сторону, выходят, напротив, огромные, зеркальные, венецианские окна, последнее слово техники, удобств и гигиены; но они относятся к... уборным. Чтобы увидеть свет и солнце, или взглянуть на улицу, человеку надо итти в клозет; в окно же своей темной комнаты, крохотное и тусклое, он может смотреть только на глухую, грязную стену противоположного здания.

Почему же, как он мог случиться, этот нелепый строительный анекдот? Оказалось, хоть это и кажется невероятным, что план, вычерченный совершенно правильно, когда было приступлено к работам, ошибочно пришпилили на доске вверх ногами, и в таком «архитектурном разрезе» и расположении и провели от начала до конца всю постройку. Непостижимо, но факт!

Каждый честно клал свои балки, отнюдь не заботясь о здравом смысле и совершенно не задаваясь вопросами, почему именно так, а не иначе, эти балки приказали ему положить, и что получится при этом из постройки в целом.

Те, которые видели уборные с венецианскими окнами на улицу, об'ясняют теперь, что им поручено было только строить, а не планировать, и выстроили они верно, точно и честно, а остальное их не касается, и отвечать за это они не могут: может быть, это был архитектурный каприз, фантазия, эксцентризм?

Те же, которые планировали, утверждают, что им было поручено только чертить, а не строить, и они вычертили великолепно, и не виноваты, если какой-то дурак перевернул вверх ногами их чертеж. Дурака же, который перевернул, найти невозможно: виноватых нет, а дом, который никого из строителей не интересовал, конечно, все-таки, испорчен, и идиотский анекдот претворен, все-таки, в жизнь.

И остается только поблагодарить судьбу и строителей, что они не до конца и не совсем буквально, все же, выполнили чертеж: поскольку он был пришпилен вверх ногами, дом надо было строить крышей вниз!

А. Зорич

МЕНЯЮ ИМЯ СМЕХАЧ НА ЧУДАК

ПЛОХОЙ РЕПЕРТУАР

Рис. К. Ротова

В театрах будут стенгазеты.

— Третий звонок, а публика в зал не идет!
— Потому и не идет, что стенгазета интереснее спектакля.

КАТОК

Музыканты в клетке
деревянной...
Вальс плывет
Печальный и туманный...
Конькобежец в куртке
голубой
Гонится за снежною звездой,
И звезда, увлечена игрою,
На плечо садится голубое...

— Конькобежец!
Холодно!
Дрожи!
Не дрожит... И даже шарф
снимает...
Ноги конькобежца—
Как ножи!
Он по рельсам будто
пролетает!

Он раскрашенный!
Он звонкий!
Жестяной!
Электрический он! Заводной!
Он бежит, наотмашь бросив
руку,
По жироскопическому кругу!

Девушка
Превозмогает страх,
В первый раз
Выходит на коньках!
Ни туда не может,
Ни сюда,
И горит буквально от стыда!

Девушке несчастной
Кавалеры
Лихо демонстрируют при-
меры...
Кажется так просто! — а
подиж,
Погибает девушки престиж.

В специальной юбочке спор-
тивной,
А себе становится противно!
Вертится каток,
Как карусель.
На пригорке неподвижна
Ель...
И на нас из клетки деревян-
ной
Вальс плывет
Печальный и туманный!

Зубило

КУШАЙТЕ НА ЗДОРОВЬЕ!

Чорт знает, что такое! Ваше консомэ в рот нельзя взять—керосин душит — крикнул я заведующему единственной кооперативной столовой г. Славгорода.

— Т.-е.? — спросил заведующий и подбежал к моему столику, над которым висел плакат: «Ешь суп с томатом, а не ругайся матом».

Заведующий нагнулся над тарелкой, понюхал и сказал:

— Действительно, есть!

При этом физиономия его сморщилась, и он плюнул в урну, привязанную на цепи.

— Что-ж это за порядки? — крикнул я тогда голосом уже более ответственным. — На что это похоже!

Заведующий, поправляя галстучек, трясогузкой запрыгал возле меня:

— Гражданин, не волнуйтесь. Сию минуту распоряжусь — и вам вместо супа дадим щи.

И заведующий очень звонким голосом прогремел:

— Один щи!

— Чего орешь? — сказала ехидно вошедшая официантка.— А щи, думаешь, без керосина?

И, глянув на заведующего, как нищий на беспризорного, добавила:

— Не только, что щи, но и гарнир и весь бефстроганный керосином залила...

В это время дверь задней комнаты с шумом распахнулась, галопом влетела повариха и синей разливной ложкой стукнула официантку.

В их драку вмешались еще две официантки. А когда чортом изза решетки выскочила кассирша и ураганом налетела на дерущихся, я и заведующий были уже на улице.

— Зовите милицию! — сказал я ему.

— Обойдется, — ответил он печально. — Ведь это так каждый день... К нам уж и никакой посетитель не ходит, — боятся... Вот вроде вас, еще какой-нибудь приезжий завернет, а так никто не ходит. Отучили. Будь они прокляты, эти официантки с поварихами и кассиршами!

— А вы бы их уволили и наняли-б других! — предложил я.

— Где-ж ты их уволишь? — произнес заведующий и тяжело вздохнул. — Вон было уволил одну, — а меня в суд — платите алименты. Пришлось обратно принять... У каждой из них по двое ребят. А у кассирши так даже четверо. Где же я им всем наберусь!.. А как вздумаю когонибудь из них уволить, в суд тянут — плати алименты!

— Ничего не понимаю, — сказал я и полюбопытствовал: — А ребята-то ваши?

— А я и сам не знаю. Кто их там разберет? — ответил заведующий и безнадежно махнул рукой.

Из столовой раздавались отчаянные женские крики. Звенели тарелки. Падали столики. Громыхала железной цепью урна.

Б. Прозоров

Рис. В. Козлинского

ПРОЩАНИЕ „СМЕХАЧА“

Когда вы, дорогие читатели, будете просматривать эти строки, меня уже не будет на свете.

— Эге! — скажет обыватель. — Прихлопнули! Закрыли «Смехач»!

— Тихо скончался, — хихикнет бюрократ. — Я всегда говорил, что «Смехач» никудышный журнал.

— Давно пора! — с'язвит какой-нибудь лакированный коммунист, пораженый каррикатурой на себя еще в 1924 году.

— Допрыгался, — заметит подхалим, — разве можно было так грубо обращаться с начальством?

— Порешили, — зарычит хулиган, — жалко, что без меня.

Но пусть не волнуются. Эти строки обращены не к ним. Эти строки обращены к вам, уважаемые читатели с многолетним стажем.

Итак, «Смехач» прекращает свое существование. Обыкновенно в таких случаях говорили, что журнал закрывается «по независящим от редакции обстоятельствам».

Но я заявляю:

— Я прекращаю свое веселое существование ПО ЗАВИСЯЩИМ ОТ СЕБЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАМ.

— Я был, надо прямо признаться, хорошим журналом, но разве нельзя создать журнал еще лучше?

— Я зло расправлялся с врагами новой жизни, но разве нельзя расправляться с ними еще злее?

— Я вызывал в читателях спокойный смех, но разве нельзя вызвать в них буйную радость?

— Я выходил на двенадцати роскошно иллюстрированных и многокрасочных страницах, но разве нельзя выходить на ШЕСТНАДЦАТИ роскошно иллюстрированных и многокрасочных страницах?

— Мой тираж равняется ста тысячам экземпляров, но разве нельзя довести его до трехсот тысяч?

— Я назывался «Смехачем», но разве название Чудак—не ярче?

Да! Плох тот Смехач, который не хочет стать Чудаком!

— Я издавался в издательстве «Гудок» и предназначался главным образом для железнодорожников. Но разве нельзя издаваться главным образом для трудящихся всего Союза в издательстве «Огонек» (Страстной бульвар, 11)?

— Я меняю свой облик. И верный своему новому названию, начинаю новую жизнь с чудачества. А именно:

Я, НЕСМОТРЯ НА ПРИБАВЛЕНИЕ ЧЕТЫРЕХ СТРАНИЦ, НЕСМОТРЯ НА УВЕЛИЧЕНИЕ КОЛИЧЕСТВА ТЕКСТА И КРАСОЧНЫХ РИСУНКОВ, — БУДУ СТОИТЬ ПОПРЕЖНЕМУ ВСЕГО ЛИШЬ 15 КОПЕЕК.

— Как видите, я Чудак без кавычек.

Мы увидимся с вами, неразлучные друзья-читатели, как всегда, ровно через неделю в тех же киосках и у газетчиков, где протекали наши счастливые встречи в течение шести лет.

Старая добрая контора («Огонек», Страстной бульвар, 11) окружит вас тою же материнской заботой и теми же удобствами, которыми вы издавна привыкли пользоваться.

Итак, до свидания

Будьте здоровы! Бодритесь!

СМЕХАЧ.

P. S. На своей гробовой плите прошу написать следующие слова:

«Смехача больше нет. Да здравствует ЧУДАК!»

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

ЧУДАК — еженедельный художественный журнал сатиры и юмора с ежемесячным бесплатным приложением Библиотеки Чудака «Всемирный Юмор» — на год — 6 руб., на 6 мес. — 3 руб. 20 коп., на 3 мес. — 1 р. 70 к., на 1 мес. — 60 коп.

ЧУДАК — с приложением Библиотеки Чудака «Всемирный Юмор» и многокрасочного альбома-альманаха «Путешествие чудаков по Европе и Америке» — на год 6 р., на 6 мес. — 4 р. 20 к., на 3 мес — 2 р. 70 к., на 1 мес. — 1 руб. 60 коп.

ПОДПИСКУ НАПРАВЛЯТЬ: Москва 6, Страстной бульв., 11, Акц. Изд. О-ву «Огонек».

Вместо следующего номера «Смехача» всем подписчикам будет разослан ЧУДАК

ТОРЖЕСТВЕННАЯ РЕЧЬ

Товарищи! Здравствуйте, конечно. Вот я должо̀н, исходя из предыдущего, произнесть речь в ударном порядке, исходя из нашего дня воспоминаний. Для ровного счета мне пятьдесят шесть лет сейчас, но я как огурчик. Вторая же причина — это великая наша революция как у вас, так и у нас.

До пролетарской революции я умел только выражаться, а после революции я могу произносить даже в трезвом виде. Слов нет, революция многих сшибла с каблуков, а другие которые приобыкли очень даже смело выражаться по существу. Что же касаемо моей личности, то пропаганд отскакивает от меня, как от стены горох. Не берет меня пропаганд ни почем. Мозга не дозволяет, вроде как стронута мозга. Как был дураком, так дураком и в могилу лягу несознательно. Что? Ближе к теме? Сейчас, сейчас. Надо же человеку раскачаться.

Товарищи! Дело было в 912 году, ежели на то пошло. А я сапожник, пьющий и пил в то время шибко круто. Вот как-то, по случаю пьянства, я все-таки вернулся из кабака самоходом к месту жительства на Васильевский Остров. А глухая ночь была. Встречь никого не попалось мне, драться, конечно, не с кем, значит — морда оказалась целая и глаза не подбитые, глядят. А на углу — вижу — два человека в шляпочках, у под'езда тоже двое, дверь открытая. Здрасте, здрасте... Вам кого?

— То-есть, почему — кого? Раз я в свое жительство пришел. А в морду хошь?

Однако, не ударил, а пополз, благословясь, вверх по лестнице в шестой этаж, а лестница кошкой пахнет, и самая крутая, опасался, как бы вниз головой не опрокинуться. Пришел домой. Здрасте, здрасте — какие-то народы стоят в прихожей, на мордах усики. Как впустили, так двери и заперли за мной. Ладно. Прохожу я, конечно, по стенке в свою комнату и для устрашенья своей супруги кричу само громко:

— Мавра! — кричу. — Не видишь, лешева кукла, кто явился? Я явился!! — стою на двух ногах, покачиваюсь, подбоченился, жду поступков.

Мавра в видах взбучки в прятки играет, притаилась. Ах, оскорблять? Я сгреб какую-то штучку антиресную со стола, грох об пол. Опять подбоченился, отставил ногу. Ох и вдарю—думаю про себя, — ей богу, вдарю. Только покажись с опозданием явления... Ждал, ждал в стоячем виде, уснул и брякнулся. Да. Брякнулся я, значит, рылом в мебель, сплюнул в горсть — кровь из зубов.

— Мавра... Мавра!..

Нету Мавры.

Тогда я, в ожидании семейного скандала, прилег с устатку на диван, а голова кружится, всего мутит. Огляделся я кругом... Что за навожденье. Ну, Мавра... Молодец Мавра, ей богу, право. Она, стерьва, в видах резона, развесила по стенам патреты разные, картиночки и книг наворотила на полу, на окошках. Ну, мне книги ни к чему, а вот гитара висит, это можно и в пропой. А лежать, чую, шибко мягко, то-есть, так мягко, что я улыбаться от непривычки стал. Ну, Мавра... Отличная ты у меня баба, Мавра. Улыбался, улыбался, да и уснул, не приходя в сознание понятий.

Только я уснул, вот вижу во сне — подбегают ко мне жулики и давай сапоги с меня снимать. Снимают, а сами, конечно, приговаривают: — «Сапожник, а в сапогах. Странно, странно. Бей его под вздох!».

Я закричал:

— Мавра! Грабят!—и проснулся.

А предо мной ваше благородие стоит, жандармский офицер.

— Ваш документ!

— Здрасте... Какой то-есть документ? Сапожки сшить-с? Сделайте милость, разуйте ножку... Мавра, сантиметр!

— Вы п р о ч у х а й т е с ь... Встать! Ваш документ.

Я сейчас же прочухался. И вижу — недоразумение.

— Ваше благородие — говорю.—Эта квартира вовсе даже не моя, чужая. Я, по пьяному делу, должно быть, не туда залез выпивши вследствие недоразумения. Ей богу, право.

Тут никакой веры мне не оказали, стали обыскивать, какую-то лягальщину искать.

— Разрешите доложить, — говорю. — Лягальщиной мы не занимаемся, мы сапожники, в бога веруем, царю-батюшке ура кричим, когда выпивши. А в случае, ежели, допустим, сапожки козловые, мы вашему благородию чик-в-чик утрафим. Ваше благородие! Да это сон или не сон? Меня, например, грабили сейчас, сапоги с живого лица снимали. Ваше благородие, разрешите треснуть мне по затылку вашим кулачком... Двиньте, ради господа, на отмашь, приведите меня великодушно в чувство. Ваше благородие!.. Мавра! Кара-у-ул!!

А дальше, значит, законопатили меня за решетку. А еще дальше — суд. Тут-то, на суде-то неправильном, я и понял, братцы, за что безвинно страдаю. Долой самодержавие!..

А перед этим — допросы были:

— Ты, козья борода, чтоб те лопнуть, где живешь?

— На Васильевском, конечно, славном Острове, — отвечаю.

— А почему-ж ты, свинья вонючая, на Петербургскую-то сторону попал, в квартиру самых неблагонадежных личностей?

— По пьяной лавочке, говорю, перепутал местность, а номер квартиры, дозвольте доложить, самый тот, только стульчики другие... Что касаемо неблагонадежных личностей, сроду не видал. Извините великодушно, отпустите душу на покаяние.

Мне вторично никакой веры не дают. Ты, говорят, чтоб те лопнуть, дурака-то не валяй, ты их знаешь, ты у них, у мерзавцев, двадцать два раза был, нам все известно. Они тебя, чтоб те лопнуть, с панталыку сшибли, против государя императора пропаганд вели, заразительные книжки читать давали. Нет, ты, козья борода, пожалуста, не отпирайся. А лучше упади в суде на колени и покайся во всем. Так и указывай на них: они, мол, действительно, сбивали меня в свою веру по безграмотству, один Митрофанов с черненькой бородкой, в очках, другой — Одинцов, скуластенький такой, попович, оба преступные студенты. Так и сыпь без запинки. Хоть не было, да было. Тогда тебя, чтоб те лопнуть, авось помилуют.

Советов ихних я не послушался и на суде, конечно, отрекся вчистоту: был, мол, шибко пьян, лягальщины не касался, а только разбил в кровь зубы о чью-то мебель незнакомую, опосля того уснул.

Мне опять никакой веры не дали, а сослали на пять годочков в самую Сибирь землю. Мавра выла, Петька мальчонка выл, я тоже слезы пролил. Ау! Ничего не поделаешь, ау...

И поселились мы, значит, в Сибири все трое вместе, в одной избе: Митрофанов, Одинцов и я — трое агитаторов. Починяю крестьянским мужикам сапоги, горжусь. Да нельзя и не гордиться: все люди, как люди — я же замешан на лягальщине, студент не студент, а уж в роде как профессор: борода и лысина в ладонь. Вот горжусь и горжусь. Сам пьяный.

—А ведь тебя сослали знаешь за что? — говорит мне както Одинцов. — Тебя сослали зря. Нас обвинили в том, что будто бы мы агитацию вели среди народа. А народа, по следствию, никакого не оказалось окромя тебя. И ежели-б ты не ввалился в нашу квартиру с пьяных глаз — и тебе бы ничего не сделали, и нас бы не сослали.

Я только головой покрутил и осенил себя крестом. И стали меня политики обрабатывать: кажиный божий день пропаганд мне полагался, а то и два. Как не пущали пропаганд, нет, не берет, не поддаюсь, понимаешь. Бились, бились, плюнули: не могут да и на в свою веру перевернуть, в есеровскую.

— У тебя, говорят, не иначе, как заскок в башке... Мозга тугая.

Отбрякал я пять годиков, пришел из ссылки. И жил в темных дураках до самого дня воспоминаний, до октябрьской революции. И тогда я, братцы, окончательно прозрел. Все могу на свете об'яснить, что к чему приклонно.

Вот, товарищи, как раньше нас тиранили, схватывали в пьяном виде в чужих домах и отправляли в самую Сибирь. Урраа!!. Да здравствует день воспоминаний! Я, товарищи, кончил. А кто не с нами, тому шило в бок и дратва в левую ноздрю, потому— я человек пьющий, во хмелю неспокойный. Слов нет, теперича все хорошо, прилично... Одно плохо, одно плохо — водка шибко дорога и с пьяниц штраф пошел. Урраа!!

Вяч. Шишков

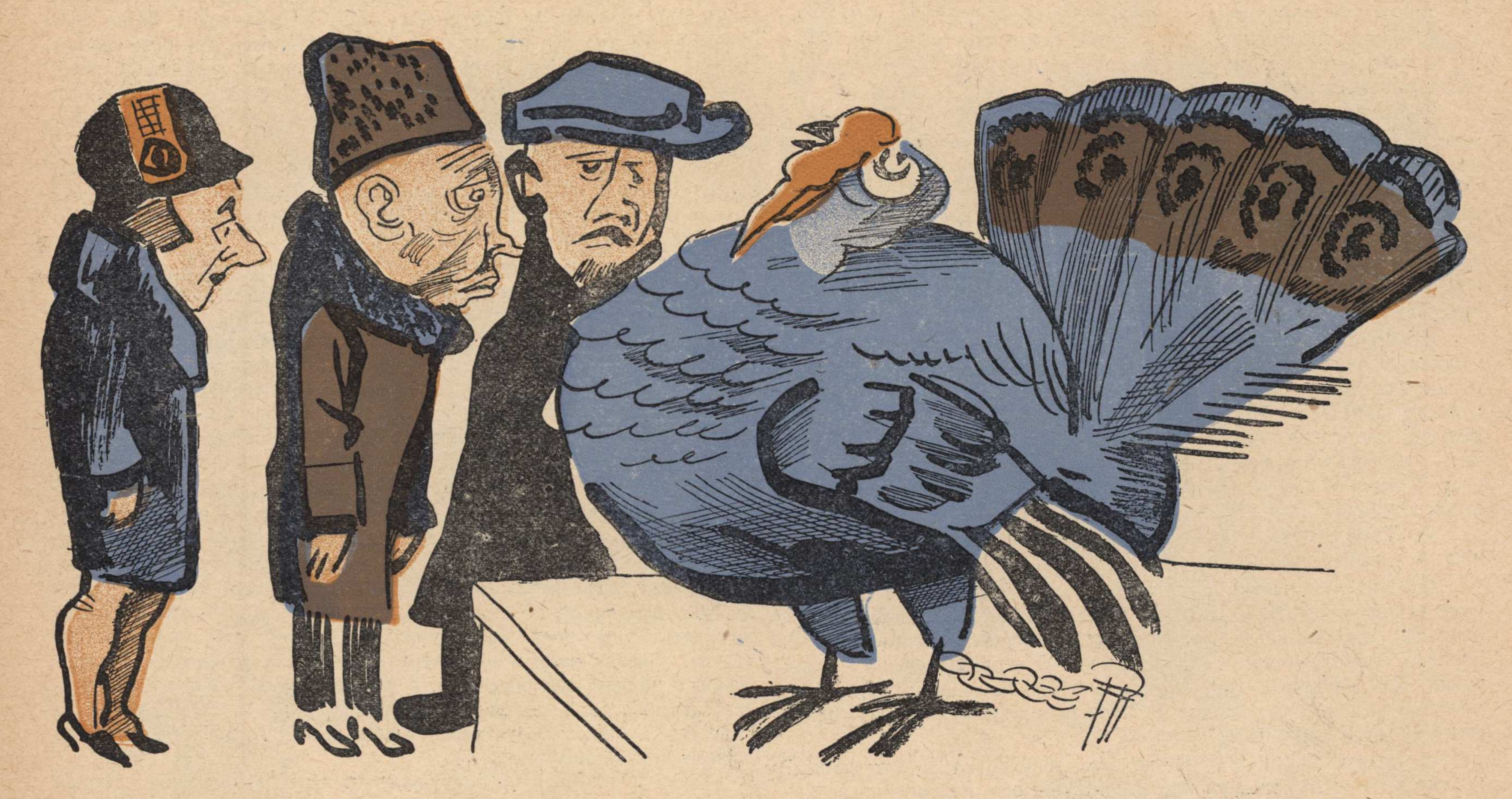

Рис. А. Р.

... Предо мной ваше благородие стоит.

НА ПТИЧЬЕЙ ВЫСТАВКЕ

Рис. А. Радакова

— Первый раз вижу, чтобы важная птица принимала столько посетителей одновременно!..

БЛИЗОРУКИЙ ГРУППОВОД

Близорукий, в золотом пенснэ, блондин в последний раз сунул нос в расстрепанный путеводитель, пересчитал собравшуюся группу и повел ее по музею. Группа была довольно однородна: за исключением человечка в пиджаке — повидимому, бывшего подрядчика — да вихрастого красноармейца, примазавшегося на даровщинку несколько позднее, — остальные десять были деревенские ходоки, коллективно прибывшие из Дома Крестьянина.

— Начнем по порядку, — привычно забормотал групповод, когда все тринадцать вошли в большой зал, обильно увешанный картинами. — Зал номер один. Флорентийская живопись. Девушка с прялкой, неизвестного мастера. Оригинальная картина, вызывающая восхищение знатоков!..

Двенадцать пар глаз, точно по команде, впились в картину, на которую показал блондин. Картина и впрямь была оригинальная: красивый юноша в шлеме, в руке лук с туго оттянутой тетивой.

— Ишь ты! — сказал один из ходоков. — Девка, а вроде бы и с усами. Закон, что-ль, такой был, а?..

— А как же, товарищ, он на эдакой штуке прядет? — не вытерпел и другой мужичек.

Но групповод был уже далеко, переступая порог следующего зала.

— Русская классическая живопись! — доносилось оттуда.—Шишкин! «Сосновый бор!» Редкая игра солнечных пятен! Шедевр!..

— Ах, мать честная, и самовар даже! — с неподдельным восхищением воскликнул подрядчик. — Вот это лес, елки-палки! Все двадцать четыре удовольствия!..

И он впился глазами в полуобнаженные прелести крупичатой купчихи, сидевшей за столом и разливавшей чай.

— Занятно, — одобрили и ходоки. — Хоть и не видно лесу, а шишки в самоваре и впрямь сосновые: ишь, как дым валит!.. Занятно, ей-богу!..

Так обошли целый этаж, дивясь и любуясь. Видели, например, Христа Семирадского — то был свирепый всадник, закованный в латы и лихо топчущий каких-то эфиопов. Привлек внимание и венецианский дож, о котором даже поспорили, есть ли это дождь или морж: на картине был изображен зверь с обезьяньей головой, бежавший в блеске молний на фоне разразившегося ливня.

Конечно, можно было бы спросить у групповода, но тот спешил, потому что внизу уже ждала новая экскурсия.

— Товарищ, а это что-ж? — спросил красноармеец, успевший примазаться к группе, и ткнул пальцем в знаменитую картину «Похищение Европы».

— Натюр-морт, — кинул тот на ходу. — Фрукты и прочее. Неизвестного мастера!..

И понесся дальше.

— И то фрукты! — буркнул красноармеец.—Девку к быку приладили, и хоть бы хны!.. Вот антанта-то!..

К групповоду он стал относиться подозрительно и ждал только случая, чтобы уличить его.

Но случай долго не представлялся. Красноармеец был несведущ в вопросах искусства, а блондин в пенснэ говорил с таким апломбом, что буквально всех замораживал.

Вдруг красноармеец увидел впереди — как раз посреди зала — большую белую глыбу. На глыбе возвышался знакомый бюст. То был Ленин.

— Иоанн Грозный. Мрамор. Знаменитая скульптура Антокольского! — донеслось из кучки людей, окруживших глыбу.

Красноармеец почуял, что наступил решительный момент.

— Врешь! — завопил красноармеец и тигром прыгнул на групповода.

— Врешь, врешь!—продолжал он вопить, хватая групповода за рукав. — Может, он и грозный был, но только для буржуев, а не про нас!.. И не Иоанн, как ты болтаешь, а Ильич. Владимир Ильич, вождь трудящихся всего мира!.. Разуй зеньки-то, ученая голова!..

Но в этом месте случилось нечто потрясающее.

— Ой! — завопил групповод, едва взглянув на бюст. — Ой! Уже пе-ре-ста-вили! Уже пе-ре-пла-нировали!.. Ой, ой!.. Ка-ра-улл!..

И резвей лани он понесся по амфиладе зал, не узнавая их, пугаясь их, сходя с ума, преследуемый красноармейцем и наиболее резвыми из ходоков. Они настигли его в последнем зале, загнав в самый угол.

— Ты что-ж это, мадон, а? — наступали ходоки.

Он еле отдышался.

— Постойте, миленькие!.. Не бейте!.. Я... Я тут тридцать восемь лет!.. Всякую заваль наизусть знал!.. Вырос.. женился... с завязанными глазами мог пройти и показать!.. Но... но... вот перепланировали.., со... согласно решения Главискусства!.. В одну ночь переставили все, перенесли!.. А... а у меня уже и язык... язык самый приспособился!.. А-а-а-а!..

Он сел на пол и заплакал.

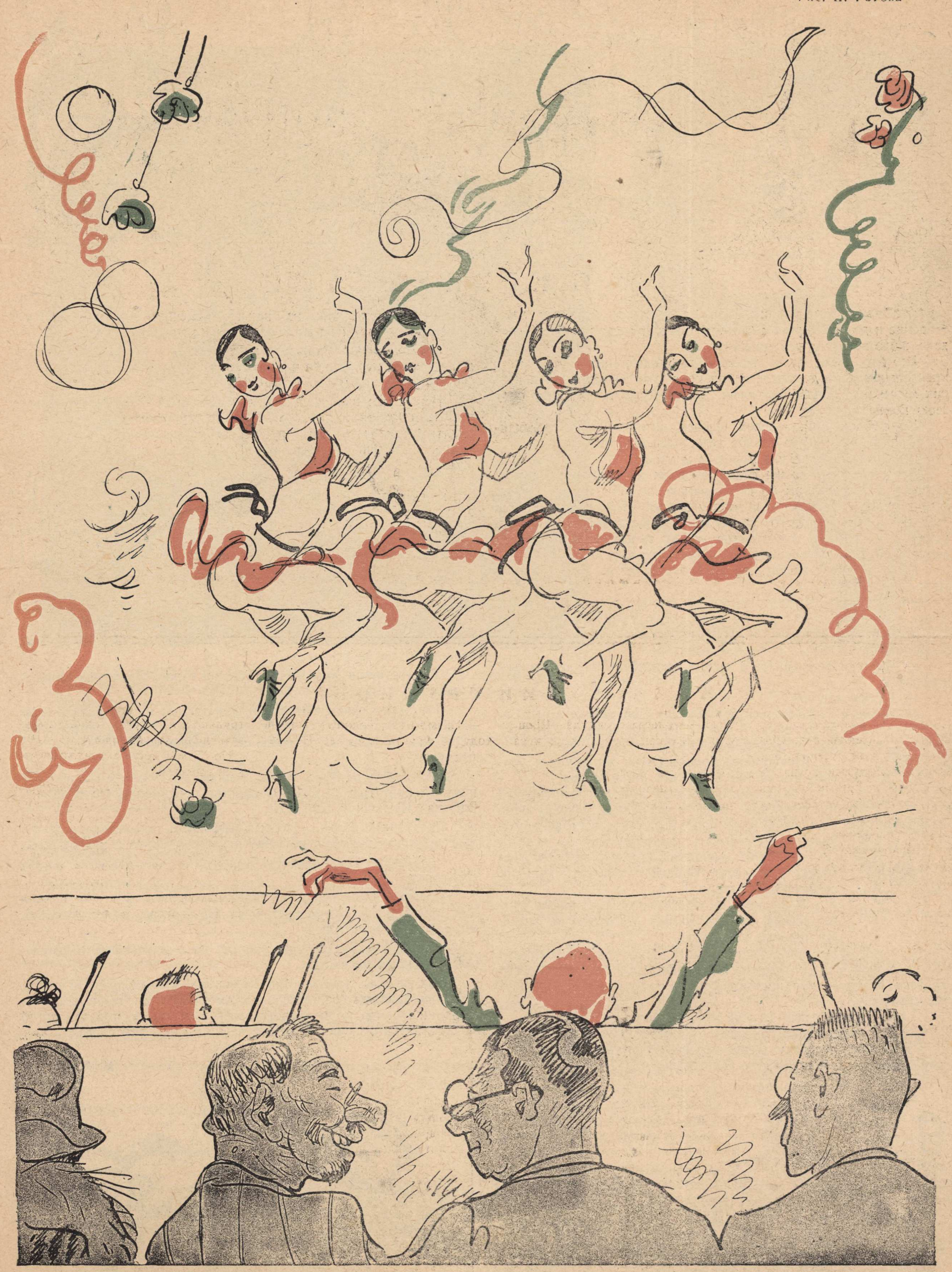
Все молчали, подавленные.

— Да ты брось, брось, братишка, это быват, — пробормотал красноармеец и отошел в легком смущении.

Тих. Холодный

„ЗАЩИТНИК МОРАЛИ“

Рис. К. Ротова

— В десятый раз посещаю этот балет и возмущаюсь: как его не запретят?!

Рис. А. Радакова

ДОМ С КРЕНДЕЛЯМИ

В маленьком доме, где когда-то помещалось булочное заведение и до сих пор на деревянном фасаде висят золотые крендели, жило всего четыре семейства.

Все это были люди тихие и законопослушные. Тревога в крендельном домике началась только с того времени, когда старик музыкант Василий Иванович Лошадь-Пржевальский сдал одну свою комнату.

Котя Лохвицкий, молодой человек, поселившийся у музыканта, имел доброе лицо и пухлое тело. Казалось, что пульс у него бархатный, а сосцы полны молоком и медом.

В один из первых же дней, розовощекий квартирант притащился домой с агентом по страхованию от огня и застраховал свое движимое имущество в тысячу рублей, сроком на один год.

— Он меня просто обольстил, — рассказывал Лохвицкий хозяину. — Говорит, что счастье может дать только страховой полис. Так меня рассмешил, что я застраховался.

Но смешливый жилец уже со второго месяца перестал платить за квартиру.

— Вышел из бюджета, — говорил он, лучезарно глядя на Василия Ивановича. — Жалованья совершенно нехватает.

Лошадь еще ничего не подозревал, но прочие жильцы быстро надоумили его. Они были крайне испуганы.

— Вы присматривайте за своим квартирантом. Он нам дом подожжет.

— Да бросьте вы!

— Иначе и страховаться нет смысла. Сами видите, у него — ни копейки. А все вы! Пустили кобла в квартиру. Уж он свой бюджет поправит, будьте уверены.

Испуганный Лошадь сейчас же пошел к Лохвицкому, якобы поболтать о том, о сем.

Он растерянно осмотрел матрац квартиранта и славянский шкаф с зеркалом. Зеркало было крошечное и вделано так высоко, что в него приходилось заглядывать, как в форточку.

— Всего имущества рублей на сто двадцать, — посчитал Лошадь. — Сожжет, никаких сомнений. Все сгорим!

В эту ночь он спал плохо, а следующую провел совсем без сна, потому что соседи не давали ему прохода попреками.

— Вышел из бюджета!

В страхе музыкант заучил наизусть номер телефона ближайшей пожарной части и занялся недостойным для интеллигентного человека делом — стал подглядывать за квартирантом в замочную скважину.

О квартирной плате он уже и не заикался.

— При теперешних окладах, — говорил он подобострастно, — молодому человеку очень трудно обернуться. Вы не спешите с деньгами. Я подожду с наслаждением.

— Спешить, как на пожар, конечно, нечего, — ответил Лохвицкий, — но я на-днях обязательно уплачу!

Это заявление произвело на трусливого Лошадя угнетающее действие. Он решил, что час настал, побежал в аптеку и по телефону вызвал пожарную команду.

Переулок наполнился звоном и грохотом. Засверкали медные купола пожарных касок и Лошадю пришлось уплатить двадцать пять рублей за напрасный вызов. Он слишком поспешил. Пожара еще не было.

... Музыкант подглядывал в замочную скважину.

— Вот такие неожиданные расходы и выводят из бюджета, — назидательно заметил квартирант.

Лошадю это показалось злой насмешкой. Он все понял. Нынешние молодые люди хитрее, чем это кажется сначала.

— Надо спасать, — подумал он, — все, что еще можно спасти. Надо себя обеспечить от стихийного бедствия, огня.

Немедленно после этого решения, Лошадь-Пржевальский застраховал свою обстановку в две тысячи рублей, сроком также на один год.

После этого в доме не осталось ни одного незастрахованного предмета.

Дом, как феникс, готов был возродиться из грядущего пепла на деньги Госстраха. Все приготовились к огненному погребению, и неделя прошла в лихорадочном ожидании всепожирающего пламени.

Но пожара не было, и нос смешливого квартиранта попрежнему невинно блистал всеми оттенками перламутра. Он даже внес Василию Ивановичу свой долг.

Протяжный вздох, — вздох, вызванный оправдавшимися подозрениями, — пронесся по всем квартирам «дома с кренделями».

— Хитрит! Очки втирает! Хочет таки получить свою тысячу страховки.

И, через день, переулок снова наполнился грохотом пожарных машин и блеском медных шляп. На этот раз дом с кренделями, действительно, горел.

Поджег его сам Василий Лошадь, не выдержавший томительного ожидания несчастья.

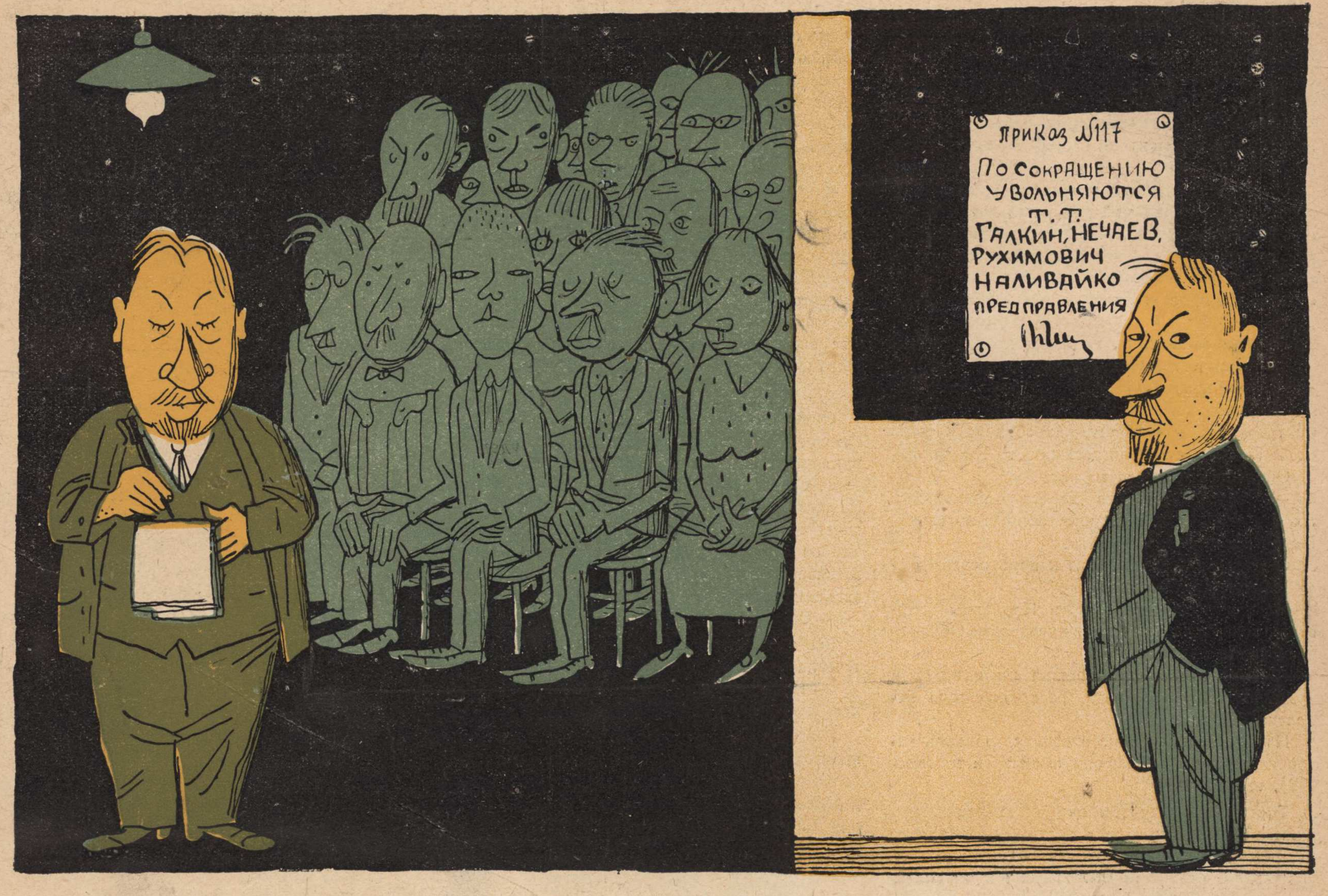
Больше всех удивлен был смешливый квартирант. Он растерянно поглаживал свои плюшевые височки, ахал, волновался, но так-таки никогда по молодости своей и не понял, что дом погиб от собственного свинства, от легенды, которую сам создал.

И. Ильф

ВОПРОС И ОТВЕТ

Рис. Б. Малаховского

— Я записал все вопросы критиковавших меня товарищей: Галкина, Нечаева, Рухимовича и Наливайко, но за отсутствием времени отвечу завтра письменно.

... И ответил!

ИЗ ДНЕВНИКА КЛИМА УНЫВАЛОВА

НЕ ВЕРЬ красивым словам. Вот и Пуанкарэ зовут Раймондом — а кому от этого легче?

МЕЖДУ отцами и детьми всегда антагонизм: то отцы дураки, а дети жулики, то — наоборот.

БАРАНИНУ чесноком шпигуют, а человека — теориями.

У КОГО ноги слабые, для того всякое место — скользкое.

НЕКИЙ человек до того американизировался, что даже обыкновенную дверную ручку заменил вечной.

И АНЕКДОТ о подхалиме надо рассказывать с приятной улыбкой.

ЕСЛИ тебе в столовке и не подали один день конину — не чувствуй себя безлошадником.

ПЬЯНОМУ человеку также трудно открыть двери, как трезвому полюс.

ГОВОРЯТ, что из песни слова не выкинешь. А почему: разве РКК заступится?

ГДЕ перепой, — там и перебой.

ЗАЩИЩАЯ качество обувной продукции, не стучи ногой об пол: подметки отвалятся.

ПОСЛЕ некоторых доказательств лучше всего одно заключение: тюремное.

НЕОПЫТНЫЙ оппонент подобен опытному: и того и другого не слушают.

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

Не очень силен был в астрономии герой гоголевских «Записок сумасшедшего» Поприщин, уверявший, что луна делается в Гамбурге.

У Михаила Герасимова («Новый Мир», книга 10-я) более точные сведения о луне:

— Хочешь, брызнут грозы
В тихой синеве,
И луну, как розу,
Срежу я в траве?

Напрасно говорят: «ничто не ново под луной».

Сошествие, по воле Герасимова, луны на землю, — разве не *ново*?

★

От луны в траве перейдем к более редкому аттракциону, а именно — к спелым... чемоданам.

На приморском бульваре, из окон лучшей гостиницы летели вниз желтые, спелые, как дыни, чемоданы и с треском лопались на мостовой.

Это — отрывок из «Лирической хроники» Веры Инбер (журнал «Новый Мир», книга 11-я).

Мы уверены, что с треском лопалось также и терпение читателей «Нового Мира», которых редакция угощает то срезанной в траве луной, то спелыми, как дыни, чемоданами!..

★

Переворот в мире строительства!

Оказывается, можно строить храмы из... лыка.

Так утверждает журнал «Швейник»:

Все выше, выше
Возносили храмы:
Смола и камень,
Дерево и лык.

Дедушка Крылов учил «Беда, коль пироги начнет печи сапожник, а сапоги тачать пирожник».

Еще бóльшая беда, коль здания начнет строить... швейник!..

★

В заключение — немного экзотики.

Журнал «На Вахте» (№ 36) предлагает своим читателям следующее стихотворение:

Сидели два медведя
На ветке золотой,
Один сидел, как следует,
Другой вертел ногой.

В этом же номере журнала помещено еще одно стихотворение, против которого мы ничего плохого не скажем, ибо автор его со своей задачей вполне справился.

Чего нельзя сказать об авторе цитированных выше стихов.

Потому что —

Один писал, как следует,
Другой писал ногой...

Вместо следующего номера «Смехача» всем подписчикам будет разослан

БЕСПОКОЙНАЯ НОЧЬ

Давненько Обуялов не пребывал в таком блеске. Смоченные вежеталем волосы аккуратно лежали по обе стороны пробора, на свеже выбритых щечках виднелись синеватые следы пудры, в жилет ниспадал галстук, напоминающий по цвету весеннее небо, покрытое звездами, а выутюженные брюки были тверды, как картон.

Обуялов спешил на вечеринку к Мэри Пароконской. Там, на четырех квадратных саженях жилой площади, Обуялова ожидали напитки, собутыльники, очаровательные собутыльницы, недавно привезенный из-за границы карманный патефон «Гигант» и танцы, танцы, танцы.

Мужчины давали по трешнице и по две «единицы». Дам можно было приводить бесплатно.

«Сперва позвоню Пароконской», — раздумывал Обуялов, осторожно подвигаясь по мокрому тротуару, — «спрошу, какого вина купить. Кстати узнаю, стоит ли заезжать за Ниночкой».

Обуялов посмотрел на часы.

— Чорт возьми. Без десяти одиннадцать. Ах, я дурак! Сейчас закроют ночные магазины, и я погиб.

Обуялов рысью побежал к ярко освещенному магазину «Коммунар».

Магазин был еще открыт. Продавцы отпускали товары последним покупателям. Обуялов облегченно вздохнул.

«Сейчас позвоню», — решил он и залез в будку телефона-автомата, расположенную недалеко от кассы.

На станции долго не отвечали. Обуялов нетерпеливо дергал телефонную вилку и топтался в будке, как конь.

Торговля между тем окончилась, продавцы снимали с рук кожаные раструбы. Кассирша подсчитывала выручку. Потушили лишний свет. В магазине сразу стало просторно и почему-то особенно сильно запахло колбасой. Прошло еще несколько минут. Кассирша закончила подсчет. Продавцы разошлись по домам.

— Закрывать, что-ли? — спросил сторож, появляясь в дверях.

— Сейчас иду.

И кассирша, распрямив спину после трудового дня, вышла на улицу.

В это время Обуялов, облокотившись на телефонную коробку и изящно изогнувшись, мурлыкал:

— Вы прелестны, Мэри, я чувствую это на расстоянии... Алло!... Да, да... Что?... Уже собираются?... Мало вина?... Что вы говорите?.. Да, да... Хорошо. Я куплю. И две бутылки водки? Ладно... Видите, какой я хитрый — успел попасть в магазин. И хлеба купить? Пожалуйста, пожалуйста... Алло!.. Но в таком случае, я со всеми этими покупками не смогу с'ездить за Ниночкой... Да... Что? Лапин с'ездит? Великолепно. Ну, хорошо, пока... Что? Ладно, ладно. Ну, пока. Что? Только что пришла?.. Алло... Я чувствую на расстоянии, что она по обыкновению прелестна. Ну, пока. Что? Вы ревну... А? Хи-хи... Ну, пока. Ладно, ладно. Хорошо. Через десять, самое позднее через пятнадцать минут я у вас... Ну, пока. Мчусь. Мчусь... А? Никто не хочет ехать за Ниночкой?.. Алло... Передайте им, что они свиньи. Я заеду сам. Ну, пока. Самое позднее через двадцать пять минут я с Ниночкой у вас. Ну, пока... Пока... Пока..

Вы прелестны, Мэри...

Ах, молодость, молодость!

Обуялов чувствовал себя бодрым и свежим. Он почти физически представлял себе, как он, румяный, весь в мелких дождевых каплях, ворвется с прелестной Ниночкой в комнату Мэри Пароконской, как вывалит на сундук огромный пакет с бутылками и снедью и крикнет... Да. Что он крикнет? Нужно крикнуть что-нибудь залихватское и вместе с тем остроумное. Обязательно остроумное... Да, да... Он крикнет:

— С новой водкой, с новым счастьем!

Все это промелькнуло в мозгу Обуялова в течение одной секунды.

— Пока! — сказал он, повесил трубку и, ликуя, вышел в магазин.

В первую минуту Обуялов не понял, что произошло. Он подошел к прилавку и забарабанил пальцами по стеклу, за которым лежали колбасы и окорока. Потом огляделся по сторонам и почувствовал, что леденеет. Магазин был пуст. На потолке светилась одна лампочка слабого накала.

— Здесь есть кто-нибудь? — крикнул Обуялов.

Он не узнал своего голоса, такой он был тонкий и дрожащий.

Магазин молчал.

Обуялов бросился к двери. Дверь была заперта.

— Что же это будет? — спросил он вслух

Но ответа не получил. С мраморной стойки глядели на него мертвыми глазами большие серебристые рыбы. Восковые поросята тянулись к нему мертвыми пятачками. На полках загадочно мерцали консервные банки и винные бутылки. Обуялов почувствовал себя заживо похороненным. Это ощущение дополнял сильнейший запах колбасы.

Обуялов забегал по магазину.

«Что делать? Что? Что? — в отчаянии думал он. — Не может быть, чтобы я, — такой элегантный, такой красивый, — пропадал здесь в то время, как у этой дуры Пароконской танцуют и веселятся. Нужно что-нибудь придумать. Как можно скорее. Немедленно. Стучать в двери? Кричать? Сбежится народ. Подумает, что налетчик. Иди потом доказывай... Ба! Позвоню в милицию и расскажу им все. Они меня освободят».

Обуялов двинулся к автомату. У него был один единственный гривенник, да и тот отыскался где-то в подкладке.

Тщательно освободив его от грязной ваты и сдунув последние пылинки, Обуялов вошел в будку.

С последним гривенником нужно было быть особенно осторожным.

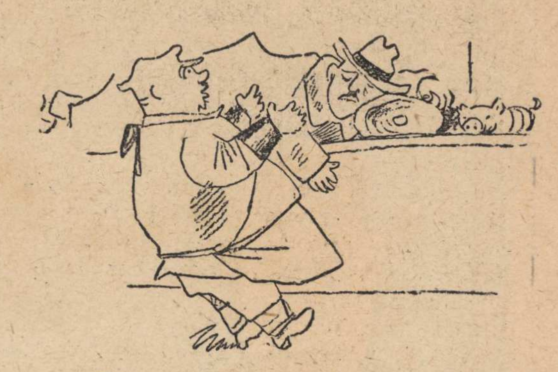
Он взял трубку. Телефонистка сообщила свой номер.

— Пожалуйста, соедините меня с милицией! — заискивающе сказал Обуялов.

— Опустите монету.

— Слушайте! Вы слушаете? У меня последний гривенник...

— Опустите монету.

... *Служащие магазина были удивлены.*

— Я опускаю. Имейте в виду. Не спутайте там чего-нибудь. Меня заперли. Гривенник мое единственное спасе...

— Опустите вы монету или нет?

Обуялов опустил гривенник.

— Уже опустил.

— Опустите монету!

— Да опустил я уже. Слышите? Опу-стил... Гражданка!!

Сигнала не было.

— Ей-богу, опустил! Миленькая! Дорогая! Опустил! Стерва!..

— Автомат испорчен, — сказала телефонистка. — Повесьте трубку.

— Эй! — завопил Обуялов. — Как вас там! Барышня! Э-э-эй!..

Ответа не было.

— Сволочь! — сказал Обуялов. — Дура!

Ответа не было.

Обуялов попытался исправить положение.

— Слушайте. Клянусь вам, что я погибаю Что у вас в груди — сердце или камень?

Обуялов прислушался. Ответа не было. Его больше не слушали.

Вопрос о содержимом грудной клетки телефонистки так и остался невыясненным.

— Тьфу! Тьфу! Тьфу!

Обуялов с наслаждением наплевал в трубку, повесил ее и сейчас же снова снял.

В трубку была слышна радио-передача. Заканчивался последний акт «Евгения Онегина».

— Спасите! — крикнул Обуялов козлиным голосом. — Эй, вы, там, на телефонной станции! Спасите человека!

«О, жалкий жребий мой!» — спел в ответ Онегин, после чего противный голос радио-конферансье заявил:

— Трясляция из Большого Театра закончена. Об'яснения давал профессор Чемоданов.

Обуялов оборвал трубку, бросил ее на пол и долго топтал ногами. Его охватило бешенство. Он выскочил в магазин, ударил кулаком поросенка и закричал:

— С новой водкой, с новым счастьем!

Потом долго плакал, уткнувшись лицом в балык и содрагаясь всем телом.

❦

Утром служащие магазина были чрезвычайно удивлены. На стойке, подложив под голову окорок и укрывшись замасленым пальто, спал неизвестный человек. От человека сильно пахло рыбой. Спал он неспокойно: дергался всем телом и всхлипывал.

Евг. Петров

ВНИМАНИЮ

ПОДПИСЧИКОВ

Большой Советской Энциклопедии!

В виду того, что в настоящее время БСЭ выпускает томы на букву «В», а до буквы «Ч» еще очень далеко,—сообщаем, что самым интересным словом на букву «Ч» будет слово—

ЧУДАК

Подробное об'яснение по поводу этого прекрасного слова БСЭ даст в порядке очереди, т.-е. через несколько лет.

А ПОКА

подписка на новый литературно-сатирический, богато иллюстрированный и многокрасочный журнал

ЧУДАК

принимается

Условия подписки—см. на 4 стр. этого номера.

40 ЧЕЛОВЕК И 8 ЛОШАДЕЙ

«ДОБРОЕ ЦАРСКОЕ ВРЕМЯ»

Учитель Речицкой школы, — Осипов, — закупил в Смоленске у частника-еврея 300 тетрадей. По приезде в школу оказалось, что в одной пачке нехватает 6 тетрадей. Тогда Осипов послал письмо на имя владельца магазина, где он пишет:

Видно, недаром на вас в царское время производили погромы и гонения.

Видать, что для этого учителя совершенно даром прошли 11 лет советской власти... Авось эти антисемитские строки его письма для него пройдут не даром!

ПЬЯНОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Выписка из протокола заседания членов Черепановского сельсовета, Змеиногорского района:

СЛУШАЛИ:	*ПОСТАНОВИЛИ:*
1) О 2-м займе индустриализации.	*1) На 2-й заем категорически отказаться.*
2) Об открытии винной торговли — информация пред о/п.	*2) Просьбу правления удовлетворить, сельсовету озаботиться подыскать помещение для лавки, для чего создать комиссию.*

Черепановские сельсоветчики, вероятно, рассуждают так:

— Зачем давать взаймы государству, когда лучше эти же деньги пропить?

И ФЕЙЕРВЕРК ВО ТЬМЕ СВЕТИТ

НАПРАСНО многие полагают, что для всякого темного дела необходима темнота. В некоторых странах, наоборот, — для темных дел требуется исключительное освещение.

Так, в день десятилетия Латвии, по словам газет, рижские полицейские, едва только зажглась иллюминация, сразу произвели двадцать массовых обысков в рабочих районах.

Повидимому, бенгальский огонь — единственный огонь, воспламеняющий полицейские сердца. Во-первых, — светлее, во-вторых, — торжественно, а в-третьих, — обыскивать легче.

ЦЫПЛЕНОК ЖАРЕНЫЙ

ПО СООБЩЕНИЮ «Дейли Телеграф», король парижских кулинаров Эскофье изобрел новое блюдо, которое посвятил Муссолини; блюдо будет называться «цыпленок а-ля Муссолини».

Популярных вождей Рима когда-то спасли гуси. Теперь эта благородная миссия переложена на цыплят. Большое измельчание пошло...

ДВУНОГИЕ БЕЗ НАМОРДНИКОВ

ПО СЛОВАМ «Франкфуртер Цейтунг», в Нью-Йорке есть перекресток, где каждый день давят людей; у этого перекрестка помещается ресторан. На ресторане вывеска со следующей надписью: «Отсюда можно видеть, как гибнут под колесами прохожие». Ресторан процветает.

Посетителей такого ресторана, очевидно, кормят исключительно сырым мясом, а, провожая домой, в гардеробной вежливо спрашивают:

— Намордничек сейчас наденете или после?

«НОЧНЫЕ РАЗВЛЕЧЕНЬЯ СУЛЯТ НАМ НАСЛАЖДЕНЬЯ»

ШЕРЛОК ХОЛМС в одном из Конан-Дойлевских рассказов уверял:

— Обход ночного Лондона доставляет мне только удовольствие.

Теперешние деятели Скотланд-Ярда, кроме простого удовольствия, получают еще кое-что более ощутимое.

Так в нижней палате в Англии во время прений по делу полиц. комиссара Годдарда развернулась картина беззастенчивого взяточничества лондонской полиции. Один только Годдард получил от ночных клубов Лондона 500 тыс. руб.

Недаром когда-то Байрон сказал:

Нам сумрак лондонский полезен —
Он бодрость жизни придает...

Антон ЧЕХОВ

— 24 ТОМА —

под редакцией и со вступительной статьей А. В. ЛУНАЧАРСКОГО
(НОВОЕ ИЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА РСФСР)

— ПРИЛОЖЕНИЕ на 1929 г. к

САМОМУ РАСПРОСТРАНЕННОМУ ЕЖЕНЕДЕЛЬНОМУ ИЛЛЮСТРИРОВАННОМУ ЖУРНАЛУ

Это Собрание Сочинений А. П. Чехова явится первым послереволюционным изданием; в нем впервые будет напечатан ряд неизданных произведений А. Чехова. Собрание Сочинений состоит из **24 томов**, напечатанных убористым четким шрифтом, на улучшенной печатной бумаге (около 4600 страниц). Ежемесячно подписчики будут получать по 2 тома.

1-й абонемент: 52 №№ журнала „ОГОНЕК“ с приложением Сочинений **А. П. ЧЕХОВА** в 24 томах. Год — **16 р.** ДОПУСКАЕТСЯ РАССРОЧКА: при подписке — 4 руб., к 1 марта — 4 р. 50 к., к 1 мая — 4 р. и к 1 июля — 3 р. 50 к.

2-й абонемент: 52 №№ журнала „ОГОНЕК“ с приложением 104 книжек „Библиотеки Огонек“ (произведения лучших советских и иностранных авторов) по 2 книжки еженедельно. Год — **13 р. 50 к.** полгода — 7 р., 3 месяца — 3 р. 75 к., 1 мес. — 1 р. 40 к.

3-й абонемент: 52 №№ журнала „ОГОНЕК“ с приложением Сочинений **А. П. Чехова** в 24 томах, и 104 книжек „Библиотеки Огонек“. Год — **24 р. 50 к.** РАССРОЧКА: при подписке — 5 р. 50 к., к 1 марта — 5 р., к 1 мая — 5 р. 50 к., к 1 июля — 4 р. и к 1 сент. — 4 р. 50 к.

4-й абонемент: 52 №№ журнала „ОГОНЕК“ и 50 №№ сатирического журнала „ЧУДАК“, с приложением Сочинений **А. П Чехова** в 24-х томах и 12 книжек Библиотеки „Всемирный Юмор“. Год — **21 р. 50 к.** РАССРОЧКА: при подписке — 5 руб., к 1 марта — 4 руб., к 1 мая — 5 р., к 1 июля — 4 р 50 к. и к 1 сент. — 3 р.

5-й абонемент: 52 №№ журнала „ОГОНЕК“ и 12 №№ ежемесячного богато иллюстрированного домашне хозяйственн. и модного журнала „Женский Журнал“, с прилож. Сочинений **А. П Чехова** в 24 томах. Год — **25 р.** РАССРОЧКА: при подписке — 6 р., к 1 марта — 5 р. 50 к., к 1 мая — 4 р. 50 к., к 1 июля — 5 р. и к 1 сент. — 4 р.

„ОГОНЕК“ без приложений: Год (52 №№) — 4 р. 50 к., полгода — 2 р. 40 к. 3 месяца — 1 р. 20 к., 1 месяц — 40 к.

Подписчики, внесшие до 1 января 1929 г. подписную плату ПОЛНОСТЬЮ ЗА ГОД, получают СКИДКУ по 1-му и 3-му абонементам В ОДИН РУБЛЬ; по 4-му абонементу СКИДКУ — ОДИН РУБЛЬ и БЕСПЛАТНО многокрасочный альбом „ПУТЕШЕСТВИЕ ЧУДАКОВ ПО ЕВРОПЕ И АМЕРИКЕ“, а по 5-му абонементу получают БЕСПЛАТНО ДВЕ ПРЕМИИ „Справочник для женщин“ и 10 книжек „Библиотеки Огонек“ и за доплату в 50 коп. — книгу „ШИТЬЕ НА ДОМУ“ (в розничной продаже 1 р. 50 к.). *Все журналы Издательства „ОГОНЕК“ в 1929 г. будут рассылаться подписчикам в обандероленном виде, с наклейкой индивидуального адреса.*

ПЕРЕВОДЫ АДРЕСОВАТЬ: Москва 6, Страстной бул. 11, Акционерному Издательскому О-ву „ОГОНЕК“

ПОДПИСКА ТАКЖЕ ПРИНИМАЕТСЯ на почте, письмоносцами, в отделениях „Правды“ и „Известий ЦИК“, у контрагентов, уполномоченными „Гудка“ при ж.-д. месткомах и в киосках Контрагентства Печати.

В виду огранич. тиража желающие обеспечить за собою Соч. ЧЕХОВА должны подписаться заблаговременно

Издатель — Акц. Изд. О-во «ОГОНЕК». Редакция — Москва, Страстной бульвар, 11. Отв. редактор — МИХ. КОЛЬЦОВ.

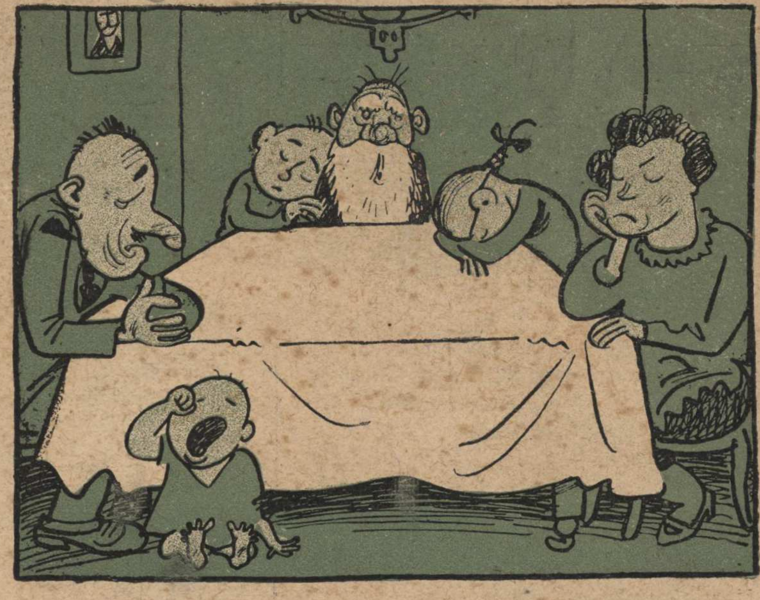
Главлит № А27227. Москва, тип. «Гудок», ул. Станкевича, 7. Зак. № 2622. Тираж 100.000.

ЕДИНСТВЕННОЕ СРЕДСТВО

Рис. К. Ротова

1. — Довольно пить! Прогоним зеленого змия!

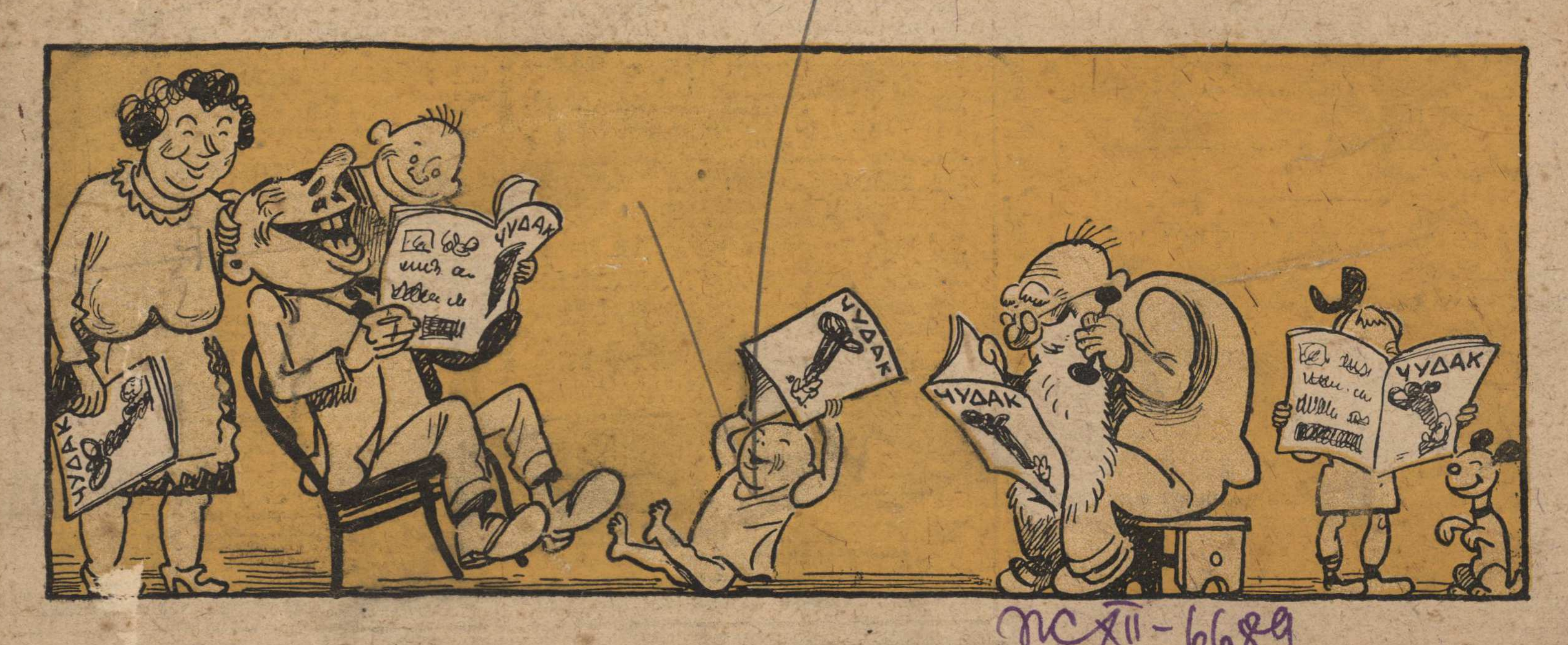
2. Изгнали зеленого змия, — появилась зеленая скука.

3. Стали изгонять зеленую скуку,—снова появился зеленый змий.

4. — Довольно пить! Прогоним зеленого змия!..

5. И только подписавшись на ЧУДАК, несчастные сразу избавились от своих ужасных врагов — зеленого змия и зеленой скуки.